

---

---

---

## СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1963 ГОДА

30 марта—4 апреля 1964 г. в Москве проходила ежегодная сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам полевых исследований этнографов и археологов в 1963 г.

В работе сессии участвовало более 300 научных работников — этнографов, археологов, антропологов, фольклористов, представителей научно-исследовательских учреждений, университетов, музеев союзных и автономных республик и автономных областей.

Открывая сессию, академик-секретарь Е. М. Жуков подчеркнул, что в разработке вопросов истории и культуры народов необходима самая тесная кооперация между специалистами различных профессий — историками, археологами, этнографами и антропологами. Он обратил внимание на важное значение работ этнографов в связи с предстоящим VII Международным конгрессом антропологических и этнографических наук, указав на необходимость разработки основных проблем, по которым советские этнографы и антропологи могут сказать свое авторитетное слово.

Большое внимание Е. М. Жуков уделил также вопросам синхронизации общего исторического процесса, протекающего неравномерно, но дающего возможность проследить более или менее одинаковые тенденции развития не только в узко региональном, но и в более широком масштабе. Подчеркнув важность разработки археологами и этнографами теоретических проблем, Е. М. Жуков призвал их к более интенсивному решению (совместно с историками) назревшей задачи подлинно научной синхронизации исторического процесса.

На сессионных, пленарных и секционных заседаниях (секции: восточнославянской этнографии, этнографии неславянских народов Европейской части СССР, народного искусства и фольклора, археологии и этнографии Кавказа, археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана, этнографии Сибири и Севера) заслушано 74 доклада по различным общетеоретическим и отдельным конкретным вопросам этнографии, антропологии и фольклористики.

На пленарных заседаниях Отделения истории АН СССР и на заседаниях расширенного Ученого совета Института этнографии этнографическая проблематика была представлена 11 докладами общего характера.

С интересным докладом «250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого» выступил на пленарном заседании Отделения Л. П. Потапов (Институт этнографии АН СССР, Ленинградское отделение). Сообщив, что 250-летие Музея будет отмечаться в начале августа 1964 г., во время проведения VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, докладчик подробно остановился на истории возникновения и развития Музея, зародившегося в недрах основанной Петром I Кунсткамеры. Л. П. Потапов подчеркнул, что перед Музеем со дня его основания были поставлены широкие научные и просветительные задачи. Этот факт, а также включение его в систему Академии наук привели к тому, что уже в середине XVIII в. Музей становится одним из передовых в мире. Его этнографические коллекции уже тогда были обширнее всех имеющихся этнографических музейных собраний и использовались для научных целей.

В собирании коллекций Музея, в его научной работе принимали участие крупнейшие ученые и путешественники XVIII, XIX, XX вв. — А. Бекович-Черкасский, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, Л. И. Шренк, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов, путешественники Н. М. Пржевальский, Л. К. Козлов, Г. Н. Потанин, В. К. Арсеньев и многие другие.

В Музее хранятся: знаменитая сибирская археологическая коллекция, подаренная Музеем известным горнозаводчиком А. Демидовым, этнографическая коллекция, вывезенная с Сандвичевых островов капитаном Куком, коллекции, собранные во время путешествий Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым, В. П. Литке и М. Н. Станюковичем, И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисянским, Л. А. Загоскиным и др. Фонды Музея непрерывно пополнялись, что позволило еще в 1836 г. выделить Этнографический музей из Кунсткамеры как самостоятельный, а в 1879 г. объединить его с анатомическим музеем, создав единый Музей антропологии и этнографии.

В настоящее время Музей является одним из крупнейших хранилищ ценнейших в научном отношении вещественных исторических памятников, представляя собой замечательную источниковедческую базу для этнографической, антропологической и в значительной мере археологической науки<sup>1</sup>.

К юбилею Музея выйдут в свет книга «250 лет МАЭ», путеводители, брошюры с кратким изложением истории Музея.

О проблемах антропологической науки рассказали на сессии Г. Ф. Дебеч и М. М. Герасимов.

Доклад Г. Ф. Дебеча (Институт этнографии АН СССР, Москва) «Об изучении физического развития древних народов» был посвящен методам определения физического развития человека на основе найденного соотношения между массой тела и объемом некоторых костей скелета. Проследивая таким путем процесс изменений тотальных размеров человеческого тела на протяжении от мезолита до средних веков, докладчик приходит к выводу о том, что процесс эпохальных изменений захватывает и признаки физического развития. Вес в целом уменьшается по мере приближения к современности. Но отдельные группы характеризовались малым весом еще в эпоху мезолита, что, очевидно, объясняется наследственными факторами. Г. Ф. Дебеч не исключает и определенной зависимости массы тела от формы хозяйства и уровня развития производительных сил. Он предполагает, что дальнейшее изучение костных остатков позволит использовать их для восстановления конституциональных особенностей древних народов.

Большой интерес вызвал доклад М. М. Герасимова (Институт этнографии АН СССР, Москва) «Новые документальные портреты исторических лиц», в котором сообщалось о работах по вскрытию гробницы Ивана Грозного и восстановлению его подлинного физического облика. Доклад сопровождался показом короткометражного фильма, демонстрирующего последовательность отдельных стадий работы ученого по вскрытию гробницы царя, его сыновей и князя В. Скопина-Шуйского. Впервые демонстрировался реконструированный по черепу скульптурный портрет Ивана Грозного.

Вопросы этнографии первобытного общества нашли отражение в докладе С. А. Семенова (Институт археологии АН СССР, Ленинградское отделение) «Закономерности развития охоты в первобытном обществе». Опираясь материалами археологии, этнографии, палеозоологии, зоогеографии, докладчик констатировал, что охота, не являясь вторичной формой хозяйства и существуя еще в дочеловеческий период, т. е. с самых первых этапов антропогенеза, служила могучим фактором формирования человека и создания общественных начал жизни. Рассматривая охоту как общесторический процесс, С. А. Семенов важнейшую тенденцию развития первобытной охоты видит в росте видового состава охотничьей добычи, обусловленном совершенствованием способов и орудий охоты.

Охота сыграла большую роль в освоении человеком новых земельных территорий. На известной ступени развития, отмечается в докладе, охота превратилась из экономически необходимой деятельности в спорт, ставший с возникновением социального неравенства достоянием привилегированной верхушки.

С. А. Семенов приходит к выводу, что охотничье хозяйство при всем его значении для развития человека заключало в своей основе факторы, тормозящие дальнейший прогресс общества. Необходимым условием дальнейшего прогресса был переход от охотничьего хозяйства к земледельческому.

Вопросам этнической истории народов СССР были посвящены зачитанные на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии доклады Г. П. Васильевой (Институт этнографии АН СССР, Москва) — «Современные этнические процессы среди населения Северного Туркменистана» и Б. А. Калоева (Институт этнографии АН СССР, Москва) — «Формирование этнической территории осетин и сложение осетинской народности».

Г. П. Васильева в своем докладе рассматривает, с одной стороны, процесс консолидации туркменской социалистической нации, а с другой, — отмечает процесс сближения родственных друг другу соседних наций, в частности сближения культур отдельных народов, населявших издавна Хорезмский оазис, — туркмен, казахов, каракалпаков.

<sup>1</sup> Подробнее о работе Музея см.: Л. П. Потапов, Музей антропологии и этнографии АН СССР (К 250-летию Музея), «Сов. этнография», 1964, № 4.

Процесс сложения туркменской нации, как и некоторых других в Средней Азии и Казахстане, проходил в годы Советской власти в гораздо более короткий срок, чем процессы складывания наций в дореволюционный период. Национальная консолидация у туркмен особенно ярко проявлялась в стирании локальных особенностей между отдельными этническими группами, в упрочении их национального самосознания.

Дальнейшее развитие социалистических наций, отмечает докладчик, в том числе и туркмен, идет по двум основным направлениям. С одной стороны, становятся общенациональными прогрессивные элементы, прежде являвшиеся особенностью отдельных племен или локальных групп народа, с другой,— происходит обогащение национальной культуры за счет появления общесоветских черт.

Наряду с процессом стирания различий у отдельных локальных групп одного народа, происходят более сложные процессы сближения с основной нацией национальных меньшинств, проживающих на территории республики. В развитии нации начинают участвовать прежде обособленные, в недавнем прошлом мало связанные группы других народов.

Б. А. Калоев построил свой доклад на этнографическом, археологическом и лингвистическом материале. Он прослеживает процесс слияния культур автохтонного населения Центрального Кавказа (носителей кобанской культуры) с культурой ираноязычных племен скифов, сарматов, а затем и алан. Докладчик констатирует, что осетинская народность, формирование которой началось в районах Центрального Кавказа еще в домонгольский период, в основном сложилась к XVIII в., причем дальнейшему ее развитию препятствовали низкий уровень развития производительных сил и экономическая замкнутость. Лишь во второй половине XIX в. в Осетии в связи с развитием капитализма начинает складываться буржуазная нация. В докладе прослеживается также процесс образования современной этнической территории осетин.

Актуальная проблема изучения религиозных верований и борьбы с религиозными пережитками была освещена докладами Г. П. Снесарева и И. А. Кривелева.

Г. П. Снесарев (Институт этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Процесс отхода от религиозных традиций у сельского населения Узбекистана» отмечает, что решения июньского Пленума 1963 г. и идеологической комиссии ЦК КПСС по вопросам атеистического воспитания ставят конкретные задачи создания научной базы для практической пропаганды атеизма.

Для правильной ориентации научно-атеистической пропаганды исключительное значение имеют этнографические исследования, так как именно они открывают доступ к фактическому материалу, без анализа которого, на основе одних лишь теоретических построений, невозможно воссоздать подлинную картину уменьшения религиозности и роста атеистических тенденций среди населения.

Докладчик говорил о необходимости активнее переходить от изучения одной лишь внешней, обрядовой стороны религиозности людей к углубленному проникновению в область их мировоззрения и в этой связи подчеркивал значение стационарных полевых исследований на местах. Отмечая, что отход от религиозных традиций является сейчас ведущей тенденцией во всех возрастных слоях населения, подтверждения чему дают экспедиционные работы последних лет, докладчик обратил внимание на некоторую неравномерность в темпах отмирания разных групп пережитков, при которой, например, у народов Средней Азии остатки доисламских верований и культов, коренящихся главным образом в семье, оказываются более стойкими, нежели пережитки ислама.

В заключение Г. П. Снесарев указал на необходимость обратить особое внимание на приспособленческие тенденции представителей духовенства, попытки модернизировать ислам, наблюдающиеся в последние годы.

И. А. Кривелев (Институт этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Археологические исследования последних десятилетий и проблемы историчности библейских повествований» сообщил о тех работах по археологии Ближнего Востока, которые связаны с библейской тематикой; эти работы приобрели в последние десятилетия особенно большие масштабы. Наряду с их несомненным научно-историческим значением, здесь играют немалую роль и чисто апологетические стремления идеологов иудаизма и христианства доказать «правоту Библии». Подробно осветив итоги археологических исследований по данной проблеме, И. А. Кривелев подчеркнул, что несмотря на все старания буржуазных археологов, несмотря на «небывалую концентрацию активности» (В. Олбрайт) в области библейской археологии, результаты довольно скромны, и в вопрос об историчности библейских повествований они не вносят ничего принципиально нового. Шумиха, поднимаемая в буржуазной печати вокруг очередных «сенсаций», призвана скрыть факт провала надежд на восстановление средствами археологии репутации непогрешимости «священных» книг.

Для марксизма и марксистско-ленинского атеизма подтверждение или опровержение средствами археологии тех или иных библейских исторических сообщений имеет лишь конкретно-исторический, а не мировоззренческий интерес, так как наличие «земных» исторических источников в этих обобщениях не подлежит никакому сомнению; задача заключается лишь в объективном выяснении средствами исторической науки,— что в

библейских легендах имеет историческую основу и что должно быть отнесено за счет религиозной фантастики.

Интересную проблему взаимодействия и взаимовлияния русского и нерусского фольклора осветил в своем докладе Л. Г. Бараг (Башкирский государственный университет). Отметив, что взаимодействие национальных и межнациональных элементов в фольклоре Урала издавна привлекало исследователей, докладчик подробно остановился на вопросах взаимовлияния русского и нерусского (имеются в виду башкиры, татары, чуваша) народнопоэтического творчества, совпадающего в ряде мотивов и деталей. Обычным стало сочетание русских и нерусских песен, загадок, считалок, сказок; нередко разноязычен и репертуар народных певцов, словарный состав песен и частушек. Л. Г. Бараг приходит к выводу, что в деревнях и селах Башкирии со смешанным населением можно наблюдать интенсивный процесс слияния нерусской народной культуры с русской; еще более многонациональным характером отличается рабочий фольклор Башкирии, характеризующийся в то же время своеобразным единством, продиктованным общностью быта и психологии рабочих одного завода или рудника.

Перед фольклористами, сказал докладчик, стоит задача исследования исторической закономерности взаимодействия русского и нерусского фольклора и роли межнациональных элементов в изменении и обогащении национальных устных поэтических традиций, в развитии интернациональной основы культуры народов СССР на современном этапе.

В докладе «Памятники древнего зодчества и живописи старожильского населения Приангарья» П. П. Хороших (Иркутский государственный университет) на оригинальном историко-этнографическом материале показал богатство старинной архитектуры Приангарья. Особое внимание он обратил на своеобразные приемы строительной техники, местные особенности конструктивно-архитектурных деталей, богатство художественного оформления жилых и хозяйственных построек. Исследованный материал позволил прийти к выводу об общности планировки, устройства и декоративного оформления жилых домов и хозяйственных построек сел Приангарья со старинными постройками северных районов Европейской части СССР, а отчасти и с постройками Западной Сибири. Собранный автором материал приобретает особую ценность, поскольку территория, где велась работа, попадает в зону затопления в связи со строительством Братской ГЭС<sup>2</sup>.

Г. С. Читая (Институт истории АН ГрузССР) выступил с докладом «Из истории виноградарства и виноделия в Грузии (древние легенды)». Он охарактеризовал грузинскую земледельческую культуру как одну из самых древних и самобытных культур, навыки которой передаются из поколения в поколение. Наиболее подробно докладчик остановился на вопросе происхождения сложной и многогранной культуры виноградарства и виноделия. Тщательные исследования древних рукописей и преданий привели Г. С. Читая к выводу (на окончательности которого он не настаивает) о том, что древним центром культурной лозы является Южный Кавказ — территория, искони населенная иберо-кавказскими народами.

Из докладов, заслушанных на заседаниях секций, значительная часть была подготовлена делегатами с мест. Большинство секционных докладов касалось вопросов культуры, семейного и общественного быта колхозного крестьянства и рабочих СССР. Это доклады: «Семья и семейный быт рабочих Тбилисского паровозоремонтного завода» (Н. А. Брегадзе, Институт истории АН ГрузССР); «Новое в культурной и общественной жизни туркмен» (Я. Р. Винников, Институт этнографии АН СССР, Москва); «Изучение общественного быта рабочих западных областей Украины (1921—1939 гг.)» (Ю. Г. Гошко, Украинский музей этнографии и художественного промысла, Львов); «Семейный быт и культура шахтеров Ткибули» (Г. Н. Джавахишвили, Институт истории АН ГрузССР); «Об опыте изучения современного быта сельского населения в Выруском районе Эстонской ССР» (А. Л. Лутс, Этнографический музей Эстонской ССР, Тарту); «Национальные традиции в современном народном жилище армян» (А. Л. Натансон, Государственный музей этнографии народов СССР, Ленинград); «Новые черты в семейном быту колхозников Прикарпатья» (И. С. Павлюк, Украинский государственный музей этнографии и художественных промыслов, Львов) и др. С большим интересом были заслушаны сообщения о семейных обрядах, семейных и общественных праздниках — «Формирование новой обрядности у народов Средней Азии (на примере свадьбы)» (Н. П. Лобачева, Институт этнографии АН СССР, Москва); «Современные праздники Литвы» (Д. А. Горб, Музей этнографии народов СССР, Ленинград); «Современная свадьба рабочих соляных шахт Закарпатья» (М. А. Мазюта, Ужгород). Поставленные в них вопросы приобретают особую актуальность в связи со

<sup>2</sup> Все собранные историко-этнографической экспедицией Иркутского государственного университета материалы по древнему зодчеству и живописи старожильского населения Приангарья переданы в дар Институту этнографии АН СССР.

стоящими сейчас задачами формирования новой семейной и общественной обрядности.

На совместном заседании секций восточнославянской этнографии и этнографии неславянских народов Европейской части СССР обсуждались доклады: Г. С. Масловой (Институт этнографии АН СССР, Москва) об изменениях народного рязанского костюма в XX в., сопровождавшийся демонстрацией вещевого материала, А. П. Алсупе (Институт истории АН Латвийской ССР) о культурно-исторических связях латышей со славянскими народами по материалам текстильных изделий и орудий ткачества XIX—XX вв., С. А. Попова (Оренбургский областной краеведческий музей) о формировании русского населения в Оренбургской области в XVIII—XIX вв., М. Я. Гринблат (Институт искусствоведения, фольклора и этнографии БССР) об этнической топонимике Белоруссии, и многие другие. Оживленные прения развернулись по докладу Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина (Казанский государственный университет) о современном быте колхозной деревни ТАССР. Большое внимание привлекло сообщение С. Б. Рождественской (Институт этнографии АН СССР, Москва) «Опыт использования счетных машин при обработке материалов этнографических обследований».

Координированная работа археологов и этнографов на секциях народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана позволила шире осветить вопросы этногенеза и формирования этнических территорий, общности исторических и культурных связей.

В процессе работы секции археологии и этнографии Кавказа выявилась назревшая необходимость обсудить на очередной сессии ряд докладов теоретического характера, основанных на комплексном использовании как археологического, так и этнографического материала. Такого комплексного использования материалов требуют прежде всего проблемы этногенеза, формирования в историческом прошлом общих черт культуры и быта народов Кавказа.

Вопросы развития народного изобразительного искусства и творчества обсуждались на секции народного искусства и фольклора, где наряду с докладами о традиционном искусстве и фольклоре были заслушаны доклады сотрудников Института искусствоведения, этнографии и фольклора БССР: И. В. Гуторова — «Новое содержание и новые формы бытования современного белорусского фольклора», М. Д. Гвоздева — «Советские песни в народном репертуаре современной белорусской деревни», К. П. Кабашникова — «Художественные агитбригады и современный фольклор», а также К. Консин (Государственный этнографический музей Эстонской ССР, Тарту) — «Самодельное изобразительное искусство в Эстонской ССР» и др.

К сессии была подготовлена выставка экспедиционных материалов. В рисунках, фотографиях, чертежах представлена была традиционная и современная культура русского народа (Кубань, Рязанская область и др.), киргизов, народов Севера и Сибири, Кавказа и Средней Азии. Богатый иллюстративный и вещевой археологический материал представила Хорезмская экспедиция.

Как показала сессия, в исследованиях советских этнографов большое место в настоящее время занимают вопросы этнографического изучения современности и проблемы, связанные с изучением процессов национальной консолидации и сближения социалистических наций и народностей СССР. Продолжается разработка проблем этногенеза, формирования культурно-исторических связей, общности материальной и духовной культуры народов отдельных этнографических районов.

Сессию по итогам полевых исследований 1964 г. решено провести осенью 1965 г. в г. Баку.

Я. С. Смирнова